

Чертков Владимир Григорьевич

Похищение детей Хилковых

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В57

В57 **Владимир Григорьевич Ч.**
Похищение детей Хилковых / Чертков Владимир Григорьевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 94 с.

ISBN 978-5-521-30169-0

ISBN 978-5-521-30169-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

книги; а именно: мое предисловіе къ ней, записки д. А. Хилкова о своей жизни, составленныя имъ по моей просьбѣ, и нѣкоторыя письма, описывающія самое похищеніе дѣтей и отношеніе къ нимъ ихъ матери.

Въ виду вышеизложеннаго, позволяю себѣ разсчитывать на снисходительность читателя къ неизбѣжной, въ настоящемъ случаѣ, отрывочности изложенія. Надѣясь когда нибудь въ будущемъ возстановить, на сколько возможно, все содержаніе книги, я однако не чувствую себя въ правѣ держать долѣе подъ спудомъ тѣ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, которыми сейчасъ располагаю. И потому я рѣшился теперь же предать ихъ гласности въ томъ неполномъ видѣ, въ которомъ они здѣсь предлагаются читателю.

Перлей, 4 Апрѣля 1898 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НЕИЗДАННОЙ КНИГѢ. *)

Въ прошлое царствованіе Императора Александра III, въ числѣ многихъ лицъ, подвергаемыхъ жестокимъ гоненіямъ за то, что ихъ религіозныя убѣжденія не совпадали съ ученіемъ православной церкви, жилъ въ ссылкѣ на Кавказѣ Дмитрій Александровичъ Хилковъ съ женою своею, Цециліею Владиміровною, и двумя горячо любимыми дѣтьми : Борисомъ, пяти, и Ольгою, трехъ лѣтъ.

21 октября 1893 года, семья эта стала жертвою неслыханнаго злодѣянія. На нее неожиданно напали нѣсколько человѣкъ, насильно вырвали дѣтей изъ рукъ родителей и увезли съ собою.

Преступленіе это было такъ ловко подготовлено и обставлено такими исключительными условіями, что родители не имѣли ни малѣйшей возможности ни воспрепятствовать его совершенію, ни выручить своихъ дѣтей, вотъ уже пять лѣтъ, изъ рукъ похитителей.

Дѣло это было совершено среди бѣла дня, на глазахъ всего мѣстнаго населенія, и вызвало во всѣхъ свидѣтеляхъ самое глубокое возмущеніе. Всѣ

*) Предисловіе это я здѣсь привожу потому, что оно объясняетъ мотивы, побудившіе меня огласить свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, равно какъ и вообще — принимать участіе въ подобныхъ изданіяхъ.—В. Ч.

чувствовали живѣйшее состраданіе къ жертвамъ преступленія; и, не смотря на это, никто не рѣшился заступиться и помѣшать тому, что совершалось.

Причиною этому было то, что злодѣяніе совершалось мѣстными полицейскими властями, и — по приказанію русскаго царя.

Не менѣ замѣчательно и то, что ближайшею руководительницею и участницею этого преступленія была родная мать отца похищенныхъ дѣтей, княгиня Юлія Петровна Хилкова.

Предлагаемая читателю книга послѣдовательно и подробно излагаетъ всѣ обстоятельства, связанные съ этимъ дѣломъ.

Жизнь дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и главное событіе здѣсь описанное, сами по себѣ такъ своеобразны и трогательны, что, уже по одному своему драматизму, несомнѣнно представляютъ большой интересъ для читателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди, слѣдящіе за современнымъ состояніемъ общественной и административной жизни Россіи, найдутъ на этихъ страницахъ много цѣннаго, въ этомъ отношеніи. матерьяла. Наконецъ, противники существующаго въ Россіи государственнаго строя будутъ рады здѣсь привѣтствовать новое подтвержденіе его несостоятельности.

Тѣмъ не менѣ ни одно изъ этихъ соображеній, — ни снабженіе читателя занимательнымъ чтеніемъ, ни описаніе современныхъ русскихъ нравовъ, ни доставленіе пищи для антиправительственнаго злорадства, — не служили для меня цѣлью при составленіи и изданіи этой книги.

Задача моя совсѣмъ иная. Желая познакомить возможно большее число людей съ истиннымъ характеромъ этого вопіющаго по своей несправедливости и неимоверной жестокости событія, я надѣюсь,

что, при Божьей помощи, разоблаченіе это может принести нѣкоторую практическую пользу: во первыхъ, тѣмъ братьямъ моимъ, которые подобно Хилковымъ, подвергаются въ Россіи преслѣдованіямъ за совѣсть и становятся жертвами самаго слѣпаго, ничѣмъ не обузданнаго произвола; во вторыхъ, самимъ представителямъ этого произвола, показывая имъ, въ какія гнусныя дѣла они, на этомъ пути, могутъ быть вовлечены, часто даже сами не вѣдая, что творять; въ третьихъ, тому несчастному обществу, которое не только безъ сопротивленія, но даже безъ протеста допускаетъ совершеніе подобныхъ звѣрствъ въ своей средѣ, иногда также не признавая ихъ дѣйствительнаго значенія; и, наконецъ, всѣмъ ищущимъ и жаждущимъ правды, знакомя ихъ съ тѣмъ радостнымъ движеніемъ къ свѣту, которое въ настоящее время совершается въ Россіи, съ тѣмъ болѣе напряженіемъ, чѣмъ жестоко становится безумное его преслѣдованіе со стороны церкви и государства. *)

*) Разглашеніе правды особенно желательно въ настоящемъ случаѣ еще и потому, что дѣло это могло быть приведено въ исполненіе единственно вслѣдствіе предварительнаго введенія въ заблужденіе того лица, отъ имени котораго оно было совершено; и что и до сихъ поръ относительно матери отнятыхъ дѣтей ея недоброжелатели продолжаютъ распространять самую злую клевету. Быть можетъ изложенная здѣсь правда какимъ нибудь путемъ дойдетъ до свѣдѣнія нынѣшняго Государя, и, кто знаетъ, быть можетъ, Богъ тронетъ его сердце и раскроетъ ему его святую обязанность, не смотря на всѣ воздвигнутыя передъ нимъ затрудненія и препятствія, исправить, наконецъ, совершенную ошибку, и, — лучше поздно, чѣмъ никогда, — вернуть безутѣшно тоскующей матери то, что для нея дороже самой жизни, и что по всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ принадлежитъ ей, и ей одной. Такимъ распоряженіемъ Государь, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалъ бы истинную услугу памяти своего оца, которую онъ очистилъ бы отъ одного изъ злѣйшихъ востумковъ, когда либо совершенныхъ.

Желательно, чтобы возможно большее число людей узнало правду объ этомъ дѣлѣ. Если мы не обладаемъ средствами для непосредственнаго предупрежденія и пресѣченія преступленій, постоянно совершаемыхъ вокругъ насъ представителями дикаго самодержавнаго произвола, — мы, во всякомъ случаѣ, можемъ не оставаться равнодушными къ совершаемому злу. Наша первая и вполне осуществимая обязанность — смотрѣть правдѣ въ глаза и называть вещи ихъ именами. Если возмутительныя дѣла уже непременно должны совершаться среди насъ, то пусть они, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно возмущаютъ насъ; и пусть общественное мнѣніе клеймить ихъ своимъ негодованіемъ и презрѣніемъ. Въ этомъ — единственный залогъ для улучшенія въ будущемъ.

Такъ и въ данномъ случаѣ, скажемъ прямо и просто, что похищеніе дѣтей у ихъ родной матери, есть грѣхъ, есть преступленіе, и притомъ — одно изъ жесточайшихъ, которое человѣкъ можетъ совершить надъ человѣкомъ. Все равно, кѣмъ и для какой цѣли оно совершается, — разбойникомъ ли для своей личной выгоды, фанатикомъ ли для торжества своей идеи, или царемъ для предполагаемой государственной пользы, — злодѣяніе всегда останется злодѣяніемъ, и такъ и слѣдуетъ его называть.

Русское правительство, постоянно совершающее подобныя дѣла, хорошо понимаетъ значеніе общественнаго негодованія, и потому больше всего на свѣтѣ боится огласки этихъ поступковъ. Тѣмъ болѣе намъ, представителямъ общества, слѣдуетъ держать глаза открытыми и во всеуслышаніе высказывать свое мнѣніе. Если не посредствомъ подцензурной печати, то другими путями, мы всегда имѣемъ возможность узнавать и передавать другъ

другу истину о томъ, что такъ тщательно скрывается или сообщается въ извращенномъ видѣ тѣмъ, кто боятся свѣта, потому что дѣла ихъ злы.

Еще одно побужденіе руководило мною при составленіи этой книги. Если дѣтямъ, о которыхъ въ ней идетъ рѣчь, въ настоящее время воспитываемымъ у похитившей ихъ женщины, суждено дожить до зрѣлаго возраста, я хотѣлъ бы, чтобы они могли здѣсь найти правдивыя и точныя свѣдѣнія о прошлой жизни своихъ родителей, которыя воспитателями этихъ дѣтей конечно будутъ или совершенно отъ нихъ скрыты, или сообщены въ самомъ извращенномъ видѣ.

Вамъ, Боря и Оля Хилковы, посвящаетъ эту книгу другъ вашихъ родителей, въ надеждѣ, что проникнутые тѣмъ же чуткимъ сознаніемъ добра и тою же преданностью къ правдѣ и справедливости, которыя отличали вашу мать и вашего отца, вы въ свое время, при Божьей помощи, сможете отвѣтить на неизбѣжно предстоящій вамъ вопросъ, и сами для себя рѣшить, въ чемъ добро и правда, въ чемъ истинная любовь: въ томъ ли, ради чего совершалось надъ вашими родителями все это безчеловѣчное и гнусное насиліе, или же въ томъ, ради чего ваши родители жертвовали собою съ такимъ мужествомъ и самоотверженіемъ?

Ржевскъ, Декабрь 1896 г.

ЗАПИСКИ Д. А. ХИЛКОВА.

Военную службу я выбралъ добровольно. Въ 1875 году, 17-ти лѣтъ, я былъ произведенъ въ офицеры и поступилъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ. Въ 1877 году, по объявленіи войны, полкъ, въ которомъ я служилъ, не былъ назначенъ въ дѣйствующую армію. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось быть переведеннымъ на Кавказъ, гдѣ, по моей просьбѣ, меня назначили въ линейный казачій полкъ. Вскорѣ стали формировать охотничьи команды, и я сдѣлался начальникомъ одной изъ нихъ.

Ѣхалъ я на войну по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что считалъ войну цѣлью всей предыдущей своей работы, своего ученія; а во вторыхъ, потому что чувствовалъ, что пустая и безалаберная жизнь офицера внѣ службы начинаетъ меня втягивать въ себя. Хотя я ревностно занимался службой и считался хорошимъ офицеромъ, но надо же было наполнять чѣмъ нибудь свободное отъ службы время. И наполняя я его тѣмъ, чѣмъ способенъ былъ наполнить, и къ ужасу своему сталъ замѣчать, что эта жизнь хочетъ „завладѣть“ мною. Надо было высвободиться, и я уѣхалъ на Кавказъ.

Первое время на войнѣ я видѣлъ только показную, красивую сторону. Но скоро сталъ замѣчать

и обратную. Находясь въ распоряженіи начальника отряда, я могъ видѣть все дѣло, познакомиться съ главными начальниками. И тутъ меня поразило нѣчто, чего я никакъ не ожидалъ. Большинство этихъ начальниковъ думали лишь о себѣ и не задумывались губить все дѣло или тысячи народа, если надѣялись этимъ повредить другому начальнику или получить награду.

Я скоро увидѣлъ, что на дѣлѣ происходитъ совершенно обратное тому, что я ожидалъ. Я разочаровался, и мнѣ стало жаль безотвѣтныхъ, обманутыхъ солдатъ, съ которыми, дѣйствительно, обращались, какъ съ пушечнымъ мясомъ. Главной моей заботой стало сберечь тѣхъ казаковъ, которые были подъ моимъ начальствомъ.

Вечеромъ 8-го Августа, начальникъ кавалерійскаго отряда, князь Чавчавадзе, позвалъ меня и приказалъ ночью напасть на кавалерійскій лагерь впереди главныхъ силъ Мухтара паши. Зная, что на обратномъ пути мы должны наткнуться на турецкій баталіонъ, который обыкновенно ночевалъ впереди отряда, и что поэтому никто изъ насъ, по всей вѣроятности, не вернется живымъ, я просилъ насъ туда не посылать, ибо понималъ, что нападеніе на маленькій кавалерійскій отрядъ не можетъ повліять на ходъ войны. Князь Чавчавадзе отвѣтилъ, что знаетъ о батальонѣ, и все таки приказываетъ идти.

Мы отправились, дошли до палатокъ и застали турокъ спящими. Тутъ начались вещи, о которыхъ мнѣ непріятно вспоминать теперь, но о которыхъ я тогда не думалъ. Отдѣлившись отъ казаковъ, я наѣхалъ на двухъ турокъ, изъ которыхъ одинъ сунулъ въ меня ружьемъ. Я подумалъ, что онъ хочетъ выстрѣлить, и выстрѣлилъ изъ револьвера, бывшаго у меня въ рукѣ, въ упоръ ему въ голову. Онъ

упалъ. Падая, онъ выпустилъ изъ рукъ гнѣдную лошадь, которую держалъ за поводъ. Другой убѣжалъ. Я поѣхалъ за нимъ, крикнувъ: „гнѣдая лошадь моя!“ Убѣгающій турокъ держалъ въ поводѣ сѣрую лошадь. Мнѣ хотѣлось отнять эту лошадь. Я его догналъ. Онъ упалъ на колѣни. Только что я хотѣлъ взять лошадь, слышу за собою топотъ. Я крикнулъ: „мой турокъ!“ но въ это время кто-то толкнулъ меня и шапкой ударилъ стоящаго на колѣняхъ турка. Онъ пустилъ лошадь, и она убѣжала. Въ ударившемъ турка я узналъ одного знакомаго офицера, не нашего отряда, добровольно присоединившагося къ намъ. Я сказалъ ему нѣсколько неприятныхъ для него вещей и поѣхалъ отыскивать свою гнѣдную лошадь. Стало разсвѣтать. Изъ главнаго турецкаго лагеря бѣжала пѣхота, намъ на помощь выступилъ нашъ отрядъ, но все таки мы насилу ушли,

Всѣ говорили мнѣ лестныя вещи; но мнѣ было какъ то не весело, и, какъ это ни странно, но главной причиною была неудача съ сѣрою лошадью. Трофеями были 11 лошадей и два турецкихъ офицера. Цѣлый день мнѣ было какъ то не по себѣ; но я не могъ отдать себѣ отчета о причинѣ. Все мнѣ вспоминалась сѣрая лошадь. Вечеромъ я легъ спать. Ночью проснулся и въ первый разъ подумалъ объ убитомъ мною туркѣ и ясно созналъ, что все дѣло въ немъ. Я не могъ уже заснуть, и турокъ стоялъ у меня передъ глазами. Лица его я къ счастью не видѣлъ, но фигуру его, — онъ былъ въ башлыкѣ, и башлыкъ торчалъ конусомъ, — помню до сего дня.

Утромъ не только не стало легче, но все становилось тяжелѣе. Я почувствовалъ, что не могу больше оставаться въ отрядѣ, — что долженъ снять съ себя грѣхъ убійства; долженъ ѣхать въ Алек-

сандрополь и тамъ говѣть. Такъ какъ я былъ присланъ въ распоряженіе Великаго Князя, то сталъ обдумывать, какъ къ нему пойти и попросить отпустить меня изъ отряда.

Когда я разсказалъ о своихъ мученіяхъ и о своей рѣшимости своему товарищу, Князю Г. Орбеліани, жившему со мной въ палаткѣ, онъ принялъ это за шутку; а потомъ сталъ меня отговаривать. Но видя, что ничего не помогаетъ, и желая помѣшать мнѣ покрыть себя позоромъ, онъ пошелъ посовѣтоваться съ однимъ полковникомъ, котораго мы уважали за то, что онъ держался вдали отъ главной квартиры. Вечеромъ этого же дня, этотъ полковникъ, (Валуевъ, старшій сынъ бывшаго министра), прислалъ казака за мной чай пить. Я пошелъ. Онъ прямо сказалъ мнѣ, что Орбеліани все ему разсказалъ, и что онъ не одобряетъ моего намѣренія и считаетъ его безсмысленнымъ. Я возразилъ, что житья мнѣ нѣтъ отъ убитаго мною турка, и что я долженъ снять съ себя этотъ грѣхъ.

„Да, можетъ быть, вы боитесь“, сказалъ онъ мнѣ.

Я отвѣтилъ, что, конечно, въ сраженіи довольно страшно, но что не это есть причина, по которой я хочу просить отпустить меня изъ отряда, а что все дѣло въ туркѣ, — что я не могу убивать и долженъ снять съ себя грѣхъ, и для этого говѣть.

„Все это глупости“, сказалъ Валуевъ, „изъ отряда васъ не пустятъ, а говѣнье не поможетъ. Если вы говорите правду и уѣхать хотите не оттого, что боитесь, а оттого, что не хотите убивать, и хотите снять съ себя грѣхъ, то я могу вамъ сказать, что сдѣлать: оставайтесь здѣсь, идите куда пошлютъ, только никого не убивайте; вѣдь вамъ же не приказываютъ убивать. Забудьте, что у васъ есть оружіе. и когда опять турокъ въ упоръ нацѣлится въ васъ, стойте смирно, не защищайтесь. Если вы